

ЛЕКЦИЯ

«Между эпохами потеряна связь»

Что не так с исторической памятью нашего общества

Дмитрий Енцов

В открытом общественном офисе Пермской гражданской палаты продолжается цикл лекций «Мои идеалы», где известные пермяки представляют своё видение идеальных аспектов жизни города и страны. «Мой идеал российской/пермской политики памяти» — так звучала тема очередной встречи. Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории ПНИПУ Михаил Нечаев и кандидат философских наук, доцент Высшей школы экономики в Перми Алексей Каменских считают, что подход к исторической памяти нужно менять. Но если Нечаев сетует на необходимость смены подхода у профессиональных историков, то Каменских считает, что сменить подходы должно государство.

АЛЕКСЕЙ КАМЕНСКИХ,
кандидат философских наук,
доцент Пермского филиала
НИУ ВШЭ

- Отмечу несколько работ, которые лучше всего описывают историческую память. Это работа Пьера Нора «Память и места памяти» 1989 года. В ней сказано, что до Первой мировой войны в мире преобладала частная, семейная историческая память. После войны семейная память подчиняется публичной памяти — впервые появляются мемориалы, триумфальные арки, вечные огни, салюты, могилы неизвестного солдата. Политика памяти переходит от семьи к государству. Вторая работа — «Канон и архив» Алейды Ассман, изданная в 2010 году. В ней сказано, что архив — это то, что знает об истории профессиональный историк, а канон — что и как обществу нужно знать о прошлом.

- Формами канона являются парады, мемориалы, государственные праздники, школьные и вузовские курсы по истории, исторические фильмы, музеи,

директором госархива Сергеем Мироненко и министром культуры Владимиром Мединским. Первый как раз отстаивал «архивистский» подход, когда доказывал, что эта история — вымысел. Второй — канонический, когда уверял, что всё так и было и «руки прочь от святого».

- Канонический подход — вечная борьба против фашизма. Если государство хочет сделать кого-либо врагом, то нужно назвать его фашистом. Типичный пример — отношение к Украине. Раньше невозможно было поверить, что русский будет испытывать ненависть к украинцу. Но как только украинца назвали фашистом, он сразу в общественном сознании приобрёл образ врага.

- Один из последних примеров канона — известная выставка «Россия — моя история». Главная её подача: Россия тождественна собственной личностной истории, я и есть Россия. Заметьте, там рассказывается только о государственных деятелях, которые строили Россию. Всё остальное выкинуто. Особенность этой выставки и в том, что в каждом городе должна быть часть экспозиций, посвящённых местной истории. Помните, что произошло в Перми и Казани? Организаторам не понравился местный контент, который не соответствовал генеральной линии.

- Мой диагноз современному обществу: это общество, переживающее военно-этактистскую апроприацию своего исторического прошлого, то есть военно-регулируемое присвоение прошлого.

Я не против патриотизма, а за патриотизм. Только для государства, а значит, для общества патриотизм — исключительно военный патриотизм. Какого-либо другого патриотизма быть не может, а это не так

выставки, мемориальные законы. Всё это в руках государства.

- Типичный пример канонического мемориального закона — «О реабилитации нацизма» 2014 года, по которому частное лицо может сесть на три года, а должностное — на пять лет.

- В нормальном обществе граница между архивом и канонизацией прозрачная. В патологическом обществе происходит подмена архива канонизацией. Типичный пример — фильм «28 панфиловцев» и спор из-за него между уже бывшим

- По сути, канонический подход искажает историю. Общество начинает думать, что историческое событие именно таким и было.

- У нас идеал: главное — государство. Мой идеал: главным должен быть человек.

- Я не против патриотизма, а за патриотизм. Только для государства, а значит, для общества патриотизм — исключительно военный патриотизм. Какого-либо другого патриотизма быть не может, а это не так.

МИХАИЛ НЕЧАЕВ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного
управления и истории ПНИПУ

- В России всегда наблюдалась прерывистость памяти. Целые эпохи выпадали из исторической памяти общества. Так, оказалось, что до 1917 года не было истории. До этого считалось, что истории не было до Петра I. Ещё раньше считалось, что до московских князей ничего не было. И так было всегда. Например,

- Российский народ всегда любил военные сюжеты. Мы народ, которому нужны победы. Победы замещают травмы. Мы просто вычёркиваем отрицательные события. Например, был ужасный 1937 год, но его затмила победа 1945 года, было начало XIX века, когда Россия всё что можно проиграла Наполеону, но кто теперь об этом знает? Потому что появился победный 1812 год. В нашей исторической памяти нет Крымской войны (1853–1856 годы), которую мы проиграли, зато её заменила победная Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

- Проблема историков, и моя в том числе, заключается в том, что мы имеем ограниченный инструментарий для изучения истории. Мы слишком специализированы на чём-то. А современный историк должен уметь всё: владеть словом, изучать все аспекты, должен быть технически подкован. Он должен не только знать факты о событии, но и понимать все обстоятельства, изучить экономику того времени, общественную мысль, социаль-

Мы должны реконструировать все события, даже те, которые принесли травму обществу

после 1991 года у нас опять появилась новая история, которая во многом игнорировала советскую и сразу обращалась к истории Российской империи.

- Из-за всего вышеперечисленного в России всегда наблюдалась дискретность (прерывистость) истории, а значит, и исторической памяти. То есть между эпохами потеряна связь. В связи с дискретностью происходили и происходят разрывы поколений. Мы не знаем наше генеалогическое древо. До XX века люди знали куда больше о своих прямых предках. Из-за дискретности возник феномен «забыть». Например, о каком-то событии, войне или целой эпохе. Этот феномен привёл к непочтению прошлого. Прошлое для нас — хуже некуда, настоящее — чуть лучше, а лучшее — впереди.

- Воспроизведение истории может происходить двумя путями: конструкцией и реконструкцией. Конструкция — это когда на основе чего-то реального происходит воспроизведение события. Но здесь можно додумать, домыслить, а значит, исказить. Я сторонник реконструкции — более глубокого погружения и воспроизведения на основе всех возможных источников и факторов, воспроизведения в комплексе. Она объективна, а конструкция — субъективна.

ные проблемы и так далее. Это мой идеал историка. Приведу пример: доктор исторических наук Георгий Чагин никогда не любил советскую историю, он её просто не замечал и не изучал. Но последние три года он стал упорно её изучать, в особенности Русский Север, и узнал много нового, того, чего он раньше не замечал, о чём даже не предполагал.

- Мы должны реконструировать все события, даже те, которые принесли травму обществу. Историк должен быть в какой-то степени медиком, чтобы вскрывать травмы скальпелем. Мы не имеем права воссоздавать только красивые реконструкции, которые позволяют не переживать всё плохое. Любое событие, историческую личность нужно рассматривать максимально объективно. Приведу пример: финский фельдмаршал Карл Маннергейм. Как он воспринимается обществом сейчас? Как враг, как человек, непосредственно участвовавший в блокаде Ленинграда. Это конструкторский подход. Если бы был реконструкторский подход, то оказалось бы, что он, кроме того, герой Первой мировой войны со стороны Российской империи, кавалер ордена Святого Георгия — высшей военной награды России, а в 1944 году вообще стал союзником Советского Союза.